

- в свете новейших археологических данных.— В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.) М., 1981, с. 101—125.
- ²³ *Сыманович Э. А.* Ингульский клад.— СА, 1966, № 1, с. 127—141, рис. 2, 5—6.
- ²⁴ *Черняков И. Т.* О так называемом навершии из Красномаяцкого клада поздней бронзы.— КСИА АН СССР, 1965, вып. 103, с. 19—22; *Черняков И. Т.* Техника изготовления литейных форм и металлических изделий в Северном Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев, 1967, с. 179—184.
- ²⁵ *Palade V.* Depozit de obiecte din epoca bronzului de la Tomești. comuna Pogana (judetul Vaslui).— SCIVA, 1976, 2, N 4, p. 239.
- ²⁶ *Тереножкин А. И.* Указ. соч., с. 27, 32, 45, 57, 72, 75, 79.
- ²⁷ *Мелентьев А. Н.* Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени.— КСИА АН СССР, 1967, вып. 112, с. 38—44.
- ²⁸ Фонды Бердянского музея.
- ²⁹ *Телегин Д. Я.* Указ. соч., с. 131—138.
- ³⁰ *Кузьмина Е. Е.* Костяные псалии как источник установления хронологии срубно-андроновских племен.— В кн.: Проблемы эпохи бронзы Восточной Европы (Тезисы докладов конференции). Донецк, 1979, с. 79—81; *Кузьмина Е. Е.* Еще раз о дисковидных псалиях ..., с. 8—21.
- ³¹ *Оанча А.* Псалии в форме диска.— In: *Thraco-Dacica: Recueil d'études à l'occasion des II congr. Intern. Fragol. București*, 1976; *Смирнов К. Ф.* Указ. соч., с. 46—72.
- ³² *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР.— М., 1976, с. 154.
- ³³ Там же, с. 81.
- ³⁴ *Petrescu-Dimbovța M.* Op. cit., p. 8—62.
- ³⁵ *Черных Е. Н.* Клад из Констанцы и вопросы Балкано-Кавказских связей в эпоху поздней бронзы.— СА, 1981, № 1, с. 19—26.
- ³⁶ *Черняков И. Т.* Красномаяцкий клад литейщика.— КСОАМ. Одесса, 1965, с. 121, рис. 15, 10.
- ³⁷ *Горбунов В. С., Обыденков М. Ф.* Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии.— СА, 1975, № 2, с. 254—257, рис. 1.
- ³⁸ *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка ..., с. 68—124.
- ³⁹ *Potratz H.* Die Pferdetransen des Alten Orient, S. 103.
- ⁴⁰ *Смирнова Г. И.* Псалии типа Борьяш в культуре Ноа.— КСИА АН СССР, 1970, вып. 123, с. 106—110; *Кузьмина Е. Е.* Еще раз о дисковидных псалиях ..., с. 8—21.
- ⁴¹ *Грязнов М. И.* Аржан. Л., 1980, с. 48, рис. 30.
- ⁴² *Шмаглий Н. Н., Черняков И. Т., Алексеева И. Л.* Отчет о раскопках Днестро-Дунайской археологической экспедиции в 1972 г.— Арх. ИА АН УССР.
- ⁴³ *Бейлекчи В. С.* Исследования поселения Кокоара.— АИМ. Кишинев, 1974, с. 66, рис. 4, 6.
- ⁴⁴ *Котович В. Г., Давыдов О. М.* О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы—раннего железа на Северо-Восточном Кавказе.— СА, 1980, № 4, с. 38—54.

И. Б. Клейман, Н. А. Сон

ЗАПАДНОПОНТИЙСКИЕ И ПРОВИНЦИАЛЬНОРИМСКИЕ КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТИРЫ

Определение места Тиры в системе экономических и политических связей античных центров Северного и Западного Причерноморья не было предметом специального исследования, однако в ряде работ этот вопрос затрагивался наряду с другими¹. Высказывалось мнение о тесных связях Тиры с античными городами Западного Причерноморья в эллинистическое и римское время.

Подчеркивалось, что Тира в I — середине III в. н. э. установила прямые контакты с Придунайскими провинциями Римской империи, культура которых оказывала воздействие на многие стороны жизни жителей Тиры. Как показали раскопки последних лет, эти связи не прекратились и в позднеантичный период, после событий середины III в. н. э.²

Однако проблема взаимоотношений города с центрами западного и северо-западного Понта, а также с Дунайскими провинциями Римской империи остается еще недостаточно разработанной, и настоящая статья является попыткой собрать воедино как известные прежде, так и полученные в результате раскопок последних лет данные, позволяющие судить об основных направлениях экономических и культурных связей Тиры на протяжении эллинистического и римского периодов.

Многие исследователи отмечали, что уже само местоположение Тиры в устье судоходной реки, пересекающей территорию, занятую этнически разнородными племенами, наложило свой отпечаток на историю и культуру этого небольшого греческого полиса и связанных с ним поселений Днестровского лимана³. Впрочем, отдельные элементы этого тезиса в большей или меньшей степени вытекали и обосновывались исходя из сообщений древних авторов. В этой связи рассматривалась тесная экономическая и культурная общность Каллатиса, Том, Истрии, Тиры и Ольвии, которая реально отражала существование Северо-Западного региона в Причерноморье как единой культурно-исторической и экономической области древнего мира⁴.

Находясь в самом центре территории Северо-Западного Причерноморья, Тира была одним из срединных пунктов на длинном пути вдоль западных и северных берегов Понта и являлась контактным пунктом между городами Западного и Северного Причерноморья. Контакты населения этих областей, начало которых относится к очень раннему времени, особенно усилились в античную эпоху⁵, и Тира на протяжении всей своей тысячелетней истории, находясь под значительным влиянием культуры западнопричерноморских центров, оставалась в то же время одним из связующих звеньев между двумя названными регионами античного мира.

Местоположение Тиры на границе Западного и Северного Причерноморья, ее экономические и культурные связи определили некоторые специфические черты в облике ее памятников и в первую очередь материальной культуры. Будучи небольшим по площади и рядовым по значению городом, Тира вряд ли имела свое развитое ремесленное и художественное производство и, вероятно, удовлетворяла свои потребности в основном импортом. Правда, многолетние раскопки дают основание полагать, что в городе существовало и ремесленное производство, которое, однако, не перешагнуло границ подражания и повторения привозных образцов.

Воздействие на экономику и культуру Тиры городов Северо-Западного Причерноморья и населения прилегающих к ним тер-

риторий проявлялось на разных этапах истории города по-разному. Облик вещественных материалов классического периода из-за их малочисленности остается недостаточно определенным, известно лишь, что в это время в импорте преобладали изделия Аттики⁶.

В эллинистическую эпоху отчетливо начинают проследиваться влияния, с одной стороны, культуры Каллатиса, Том, Истрии, с другой — Ольвии и Херсонеса. Показательными в этом отношении являются сюжеты и аналогии привозных терракот⁷, коллекция которых значительно пополнилась за последние годы⁸. Начальный этап тесных экономических контактов городов Понта Т. В. Блаватская относит к IV в. до н. э.⁹, а расцвет западнопонтийских античных центров связывает с развитием с конца IV—II в. до н. э. местного ремесленного производства, а также внутривосточной торговли с городами и прилегающими областями, населенными варварскими племенами. Очевидно, определенное влияние на эти процессы оказало сокращение в III в. до н. э. количества аттического импорта. Нумизматические материалы из Тиры также указывают на связи города с Западным Причерноморьем, которые хорошо прослеживаются уже с начала эллинистического времени. Об этом свидетельствует типологическая близость монет Западного Причерноморья и Тиры, совместные находки монет Тиры, Истрии, Каллатиса, находки в Тире западнопонтийских монет¹⁰, а также выпуск с конца III—II в. до н. э. единой для данного региона внешнеторговой монеты — статеров лисимаховского типа¹¹. О связях города с западными областями в этот период говорят также и единичные эпиграфические памятники¹².

Определенная общность облика различных категорий вещественных памятников Тиры и античных центров Западного Причерноморья объясняется также их контактами с гето-фракийским населением прилегающих территорий. Так, с IV в. до н. э. в керамических комплексах здесь появляется гето-фракийская посуда, процент которой резко падает на левом берегу Днестровского лимана¹³.

Таким образом, в течение всей эллинистической эпохи в Тире прослеживается хозяйственное и культурное влияние городов Западного Причерноморья, позволяющее судить об определенной социально-экономической и культурной общности этого региона, включающего и Тиру. Сказанное, однако, в значительной мере относится и к Ольвии, с которой, как свидетельствуют эпиграфические документы¹⁴ и данные нумизматики¹⁵, а также наличие в эллинистических слоях керамики ольвийского производства¹⁶, Тира была теснейшим образом связана в эллинистическое время.

Культурно-экономические связи Тиры с городами Западного Причерноморья продолжали развиваться и в первые века нашей эры. Параллельно с этим процессом Тира более чем другие города Северо-Западного Причерноморья начала испытывать влияние римской провинциальной культуры, центром которой в этом районе были Дунайские провинции Римской империи. К ним город тяготел как экономически, так и политически на протяжении

длительного периода — от середины I до середины III в. н. э., а также в послеготское позднеантичное время.

К памятникам, характеризующим принадлежность Тиры к городам Северо-Западного региона, сохранившим в первые века нашей эры тесные связи с эллинизированным населением прилегающих территорий, относятся вотивные рельефы с изображением фракийского всадника¹⁷ и Артемиды¹⁸. Материал, из которого изготовлены эти рельефы, — мраморовидный известняк, сюжеты и манера исполнения — все это указывает на их западнопонтийское происхождение и связь с религиозными представлениями населения этой области. Наибольшее количество памятников этого рода найдено к западу от Тиры и лишь единичные экземпляры — к востоку от нее. Появление в Тире таких рельефов во II—III вв. н. э. обычно связывают исключительно с пребыванием в городе римского гарнизона, в составе которого были солдаты фракийского происхождения¹⁹. Не оспаривая этого вывода, укажем, что в этом явлении также можно видеть продолжение и развитие контактов города с западнопонтийскими центрами и сопредельными территориями, с эллинизированным гето-фракийским населением.

Еще одним показателем продолжающихся в первые века нашей эры тесных связей Тиры с городами Западного Причерноморья являются найденные в Одессосе надгробия уроженцев Тиры²⁰ и недавно открытое в Тире погребальное сооружение, аналогия которому имеется в некрополе Одессоса²¹.

Распространение в Тире еще с эллинистического времени греко-египетских культов Сераписа и Исиды²² находит параллели в городах западного берега Понта²³. Рельефу с изображением божеств судьбы Мойр II—III вв. н. э. оказались из Тиры²⁴ наиболее близкими тематически и стилистически рельефы из Истрии и Каллатии эллинистического времени²⁵.

В первые века нашей эры Тира оставалась посредником в торговле западнопонтийских городов с Ольвией²⁶ и античными центрами, расположенными к востоку. Одновременно она была и одним из опорных пунктов римского господства в Северо-Западном Причерноморье. В это время связи Тиры с Придунайскими провинциями, в частности с Нижней Мезией, куда вошел город, стали доминирующими.

В результате археологических исследований последних лет в Тире обнаружен новый массовый материал, в значительной степени дополняющий уже имеющиеся данные о связях города с западнопонтийскими центрами и Дунайскими провинциями Римской империи. Среди материалов выделяются фибулы западных типов²⁷. По мнению А. К. Амброза, они попадали на Юг СССР вместе с солдатами дунайских легионов и выходцами из римских провинций²⁸. Найдены также изделия из стекла, среди них примечательны литые игрально-счетные жетоны, подвески, вставки, фрагменты краснолаковой посуды, частью мезийского и западно-римского производства, некоторые типы светильников, украшения,

находящие близкие аналогии среди паннонских бронз, предметы италийского производства²⁹.

Об определенном влиянии Рима на историю и культуру города во II — середине III в. н. э. свидетельствуют латинские надписи, среди которых привлекает внимание алтарь с посвящением Митре, поставленный в честь победы римских войск, кровельная черепица с клеймами V Македонского, I Италийского и XI Клавдиева легионов³⁰, монеты города с изображениями римских императоров, монеты Рима и провинциально-римских городов Нижней Мезии³¹, некоторые предметы римского оборонительного вооружения³², воинский мемориально-наградной медальон, изготовленный из сестерция Антонина Пия, заключенного в свободно отделяемое кольцо³³. Уместно вспомнить и другие материалы, свидетельствующие о римском гарнизоне Тиры, которые происходят из раскопок прошлых лет и старых коллекций³⁴, в частности, статую римского военачальника, вероятно, наместника Нижней Мезии³⁵. Об определенном воздействии Рима на культуру города говорит также значительное число высших должностных лиц, носивших греко-римские и римские имена³⁶. Имеются лапидарные надписи, указывающие на то, что членами городского совета Тиры были отставные римские солдаты — ветераны римской армии³⁷.

За последние годы накоплен новый значительный материал, свидетельствующий как о связях города с западнопонтийскими античными центрами, так и с Нижней Мезией, через территорию которой в Тиру проникли предметы и из западных провинций империи. Эти материалы дополняют имеющиеся данные и позволяют по-новому осмыслить некоторые аспекты связей Тиры с Дунайскими провинциями Римской империи. Керамические изделия первых веков нашей эры из Тиры определены благодаря публикации Б. Султовым материалов раскопок нижнемезийских центров керамического производства, открытых в Болгарии у сел Павликены, Хотница и Бутово³⁸. Эта красноглиняная и краснолаковая столовая посуда, отличающаяся своеобразием формы и орнаментами³⁹, была завезена из упомянутых центров II—IV вв. н. э., а возможно, и производилась на месте. Безусловно, завезены в Тиру из Нижней Мезии курильницы — сосуды культового назначения (рис. 1). Они имеют форму вазочек на высокой подставке с профилированными стенками и венчиком. Один из типов имел раздвоенные и соединенные через промежутки защипы по краю. Такая орнаментация позволила выделить их обломки из массы керамики первых веков нашей эры. Поверхность всех типов курильниц покрыта отслаивающейся гипсовой обмазкой; глина

Рис. 1. Курильница мезийского типа из Тиры.

оранжево-желтоватого тона у курильниц со слабым обжигом (с защитным орнаментом) и кирпичного оттенка хорошего обжига у курильниц с двумя рядами орнамента насечкой параллельных вертикальных черточек. Точно такие же курильницы найдены в Бутово*. Датировка производственных комплексов Нижней Мезии позволяет отнести фрагменты упомянутых типов курильниц из Тире ко II—III вв. н. э.

В разных местах городища и на предполагаемой территории расположения римского гарнизона были найдены фрагменты глиняных сосудов, имеющие форму больших массивных мисок с плоским устойчивым дном, широкими и толстыми горизонтально отогнутыми венчиками со сливом, как у лутериев эллинистического времени, но в отличие от них латинские клейма расположены поперек венчика**. В археологической литературе такие сосуды известны под названием мортариев⁴⁰. Они распространены в местах дислокации римских войск и служили, очевидно, для растирания, дробления зерен и овощей⁴¹. Такие сосуды из Добруджи содержали в стенках вкрапления кусочков камня, что способствовало лучшему растиранию содержимого в них при помощи пестика.

Публикуемые обломки венчиков таких мортариев из Тире с клеймами, содержащими, как и аналогичные памятники из Добруджи и Придунавья, кроме часто мало разборчивой надписи (рис. 2 схематизированное изображение пальмовой ветки или колоса), представляют еще один тип керамического импорта в Северо-Западном Причерноморье из римских провинций.

Сосуды из Тире имели диаметр 0,6 м, массивные горизонтальные со слегка отвисающими краями венчики шириной 7,5—7,7 см, глина хорошего обжига, красная с розовым или оранжевым оттенком, содержащая видимые включения песка, темных и белых частиц.

Двустрочные латинские клейма на двух фрагментах венчиков*** мортариев имеют разделяющие строки горизонтально расположенное изображение ветки (рис. 2; 4), на третьем клейме**** стилизованная ветка делит обе строки надписи по вертикали на две части по две буквы с каждой стороны (рис. 2; 3). Два клейма

* Из Тире: полевой инв. № БД-79-295 (ОАМ, 88082), высота 8,7 см, аналогичная из Бутово: см. Sultov B. Antike sentren der Töpferei in Unter-Mösien.— Sofia, 1976, S. 101; из Тире: полевой инв. № БД-80, сп. 36/10 (обломок), аналогичная из Бутово: там же, с. 104.

** Врядли следовало единичные экземпляры таких же сосудов из Ольвии и Козырки⁴² включать в типологию лутериев⁴³. Б. В. Фармаковский обнаружил в хозяйственном помещении аналогичный целый сосуд с латинским клеймом⁴⁴ и отнес его к сосудам, известным под названием *mortarium* (*reibschale*, т. е. ступка).

*** Полевой инв. № БД-75-сп. 36/7 (ОАМ, 85934), диаметр 0,60 м, ширина венчика 7,5 см, слом венчика прошел по клейму так, что сохранилась одна верхняя строка и остаток стилизованной ветки или колоса под ней; второй — полевой инв. № БД-80-48 (ОАМ, 88073), диаметр около 0,60 м, ширина венчика 7,7 см; глина обоих обломков красная с включениями разного оттенка.

**** Полевой инв. № БД-70-296. Передан в Белгород-Днестровский краеведческий музей.

Рис. 2. Клейма на мортариях из Тире. Раскопки 1970, 1975 и 1980 гг.

Рис. 3. Клеймо на венчике мортария из раскопок 1970 г.

содержат в первой строке известное по надписям на мортариях имя мастера Филемона, третье остается еще непрочитанным. Оба мортария с именем Филемона внешне близки по фактуре и составу теста, размерам и форме венчиков, характеру обработки поверхности, однако клейма их отличаются шрифтом, манерой и тщательностью вырезки букв. Вряд ли оба штампа были изготовлены одним мастером.

Латинские клейма с именем Филемона найдены и в Ольвии⁴⁵. Е. М. Штаерман высказала предположение об изготовлении части керамики с латинскими клеймами в Ольвии⁴⁶, в том числе и мастером Филемоном из Ареццо. Так как подобные памятники в Тире в то время Е. М. Штаерман еще не были известны, то, противопоставляя этот город Ольвии, она пришла к выводу о слабых связях Тире с римскими провинциями и более сильном греческом влиянии. Нельзя исключить вероятность изготовления мортариев, кровельной черепицы⁴⁷ с латинскими клеймами и краснолаковой посуды провинциального типа⁴⁸ по известным римским образцам в местах расположения римских гарнизонов, в том числе и в Тире, однако этому противоречит незначительное количество материала.

Очевидно, тесными связями с римскими провинциями можно объяснить и новые находки металлических изделий римского и провинциально-римского импорта. Последние, в отличие от фибул, распространенных далеко за пределами провинций и территорий с тесными римскими контактами, известны в местах влияния римской и провинциально-римской культуры и потому являются показательными для иллюстрации этих связей.

Рис. 4. Клейма на венчиках mortarиев. Раскопки 1975 и 1980 гг.

К предметам такого рода относится бронзовое украшение, по-видимому, конской сбруи (рис. 5) *. Оно представляет собой кольцо с ажурным переплетением в середине в виде стилизованного растительного или зооморфного мотива; наружная поверхность его выпуклая, тыльная — плоская с петлей в центре. Нам известны два близких по стилю и деталям аналогичных предмета, оба отнесенных к провинциально-римским изделиям: одно происходит из района г. Тульчи по правому берегу Нижнего Дуная ⁴⁹, другое — из музеев Венгрии ⁵⁰.

К памятникам провинциально-римского стиля относится и бронзовое украшение — пластинка с рельефным изображением молодого Фавна (рис. 6) **. С обратной стороны имеется след штыря крепления. Работа довольно грубая, лицо широкое, обрамлено с двух сторон четырьмя рядами листьев, закрепленных пересекающей лоб лентой, надо лбом — рожки. Подобные предметы известны в первые века нашей эры как украшение замков ⁵¹ и сундучков ⁵².

При разборке стены дома, датируемого II—III вв. н. э., найдена головка женской статуэтки*** в стиле римской портретной скульптуры конца I—начала II в. н. э. (рис. 7). Основанием для подобного определения служит прическа из заплетенных в косы и выложенных на темени вокруг головы волос, надо лбом образующих высокий кокошник, лицо с четко моделированными глаза-

* Полевой инв. № БД-71-62 (ОАМ, 84680), диаметр 4,6 см.

** Полевой инв. № БД-76-43 (ОАМ, 86785), размер 2,7×2,4 см.

*** Полевой инв. № БД-80-1, хранится в Белгород-Днестровском краеведческом музее, высота 4,2 см; глина плотная, хорошо обожженная без видимых примесей.

Рис. 5. Бронзовое ажурное украшение.

Рис. 6. Бронзовое украшение с фавном.

ми, подчеркнутыми веками и обозначением зрачков, наконец, покрытие поверхности разбавленным красноватого оттенка лаком. Среди опубликованных терракот Северного и Западного Причерноморья подобный тип ранее не встречался. Наиболее близкой аналогией по стилю прически могут служить скульптурные портреты начала II в. н. э. и более всего Марцианы⁵³.

Не рассматривая детально сложный по составу комплекс красноглиняной и краснолаковой керамики, относящейся в основном ко II—IV вв. н. э., в котором не различаются находимые в обломках изделия восточногреческих (в основном, малоазийских), подражающих им нижнемезийских и, по-видимому, местных северо-

Рис. 7. Головка терракотовая в стиле портретной скульптуры начала II в. н. э.

Рис. 8. Фрагмент краснолаковой вазы вестерндорфского типа (Германия).

Рис. 9. Реконструкция формы сосуда по фрагменту.

тором обязательной деталью является помещенная под венчиком линия «овов», с заполняющими свободные поля гирляндами с поперечной насечкой. Часть такой вазы из Белгород-Днестровского музея (рис. 8; 9), склеенная из нескольких обломков, имеет украшение в форме ломаной линии с розетками на изгибах. По центрам производства в Баварии и подражаниям им, судя по реконструкции сосуда, он относится к известной группе вестерндорфских ваз конца II — начала III в. н. э., находки которых известны также к востоку от Паннонии⁵⁴. Западноримская краснолаковая посуда на территории Северного Причерноморья встречается редко. Отдельные находки ее известны из Ольвии (не опубликованы), а на прилегающих районах Восточной Европы — из Польши и Львовской области СССР⁵⁵.

Уход римских войск из Тире в середине III в. н. э., очевидно, полностью не прервал приток западных римских изделий. Керамика, стекло, бронза, римские монеты второй половины III в. н. э. имеются в позднеантичных комплексах⁵⁶ и в слое с материалами III—IV вв. н. э.⁵⁷ — красноглиняных и с красным покрытием, подражающие *terra sigillata* с характерным орнаментом, состоящим из густо расположенных в так называемой барбатинной технике рельефных завитков и изображений, напоминающих схематизированное изображение летящей ласточки^{***}, Т-образные фибулы III—IV в. н. э.⁵⁸

* Белгород-Днестровский краеведческий музей, старый фонд, инв. № А-1173, размер 9,2×9,4 см, диаметр около 11 см.

** Фонды Института археологии АН УССР: БД-58-389, БД-49-291.

*** Белгород-Днестровский краеведческий музей, старый фонд, инв. № А-1471, 1470; фонды ИА АН УССР, инв. № БД-46-848, БД-49-1101, БД-46-667, БД-50-2115, БД-50-47.

Приведенные материалы позволяют с определенной уверенностью считать, что в первые века нашей эры, а точнее во II—IV вв. н. э. Тира поддерживала тесные связи с античными городами, находящимися под сильным влиянием императорского Рима, городскими центрами западного побережья Черного моря и Придунайскими римскими провинциями, причем с последними эти связи во II—середине III в. н. э. оставались доминирующими. Тира в то время, по-видимому, была крайним восточным пунктом зоны максимального распространения римской провинциальной культуры.

Таким образом, раскопки последних лет позволяют сделать вывод об ограниченности археологических источников, в истолковании политической, экономической и культурной жизни Тире вне системы памятников Северо-Западного и Западного Причерноморья. Имеющиеся материалы позволяют с уверенностью относить Тире, которая в своем развитии тяготела к Истрии, Томам, Одессосу и в меньшей степени к античным центрам Северного Причерноморья, к городам Северо-Западного и Западного Причерноморья. В настоящее время вряд ли можно не учитывать имевшее в древности подразделение на отдельные своеобразно обособленные геоэкономические районы, которые, как отмечалось, не всегда совпадают с современным административным делением.

- ¹ Например, см.: *Гайдукевич В. Ф.* Очерк истории.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955, с. 28, 57. Тира здесь названа при перечислении западнопонтийских городов; позднее Тире рассматривают в системе античных центров Северного Причерноморья.— см.: *Блаватский В. Д.* Античная археология Северного Причерноморья.— М., 1961, с. 1.
- ² *Клейман И. Б., Сон Н. А.* О культурно-экономических связях Тире с Нижней Мезией.— В кн.: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980, с. 21—23; *Златковская Т. Д.* Мезия в I—II вв. н. э.— М., 1951, с. 57, 115—122.
- ³ *Фурманская А. И.* Античный город Тира.— В кн.: Античный город. М., 1963, с. 40; *Фурманська А. І., Лапін В. В.* Тира.— В кн.: Археологія Української РСР. К., 1971, т. 2, с. 311—312; *Дмитров Л. Д.* Тира.— В кн.: Нариси стародавньої історії Української РСР. К., 1957, с. 270—271.
- ⁴ *Шелов Д. Б.* Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху. | В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 219; *Брашинский И. Б.* Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья.— ВДИ, 1970, № 2, с. 130.
- ⁵ *Шелов Д. Б.* Указ. соч., с. 120—121.
- ⁶ *Секерская Н. М.* Аттическая чернолаковая керамика из Тире.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР. Киев, 1980, с. 39—51.
- ⁷ *Клейман И. Б.* Статуэтки из Тире.— САИ, 1970, вып. Г1—11, с. 25—27.
- ⁸ *Клейман И. Б.* Терракоты из раскопок Тире 1970—1977 гг.— В кн.: Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР, с. 96—103.
- ⁹ *Блаватская Т. В.* Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э.— М., 1952, с. 77, 132—133.
- ¹⁰ *Зограф А. Н.* Монеты Тире.— М., 1957, с. 57—62; *Нудельман А. А.* Монеты Истрии и Тире из с. Дороцкое.— Тр. Гос. ист.-краеведч. музея, Кишинев, 1969, № 2, с. 127 и сл.; *Фурманская А. И.* Исследования Тире.— КСОАМ за 1963 г. Одесса, 1964, с. 62; *Карышковский П. О., Коцевский А. С.* Античные моменты из раскопок Тире.— В кн.: Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979, с. 93, № 12—15.

- ¹¹ Зограф А. Н. Указ соч., с. 26—27; Булатович С. А. Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в Северо-Западном Причерноморье.— В кн.: Исследования по античной археологии..., с. 52—53, 61.
- ¹² Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды.— ВДИ, 1959, № 4, с. 113—115.
- ¹³ Мелюкова А. И. К вопросу о границе между скифами и гетами.— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, с. 74.
- ¹⁴ Рубан В. В. Из истории взаимоотношений Тире и Ольвии.— В кн.: Исследования по античной археологии..., с. 103—106.
- ¹⁵ Зограф А. Н. Монеты из раскопок Ольвии 1935—1936 гг.— В кн.: Ольвия Киев, 1940, т. 1, с. 222, № 42, Фурманська А. І. Розкопки Тіри в 1958 р.— АП УРСР, 1962, т. 11, с. 127, 130, 135.
- ¹⁶ Фурманская А. И. Раскопки Тире в 1962—1963 гг.— В кн.: Античная Тира..., с. 10.
- ¹⁷ Фурманська А. І. Рельєфи вершників з Тіри.— Археологія, 1965, 19, с. 158—164.
- ¹⁸ Nicorescu P. Scavi e scoperte a Tyras.— In: Ephemeris dacoromana. Roma, 1924, vol. 2, p. 393, fig. 8; Карышковский П. О. Материалы к собранию древних надписей..., с. 123, № 21.
- ¹⁹ Щеглов А. Н. Фракийские посвященные рельефы из Херсонеса.— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье..., с. 135.
- ²⁰ IGB, I, 228, BIS, 229; Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3, с. 311; Карышковский П. О. Материалы..., с. 120, № 9.
- ²¹ Клейман И. Б. Новая гробница в Белгороде-Днестровском и вопрос о местонахождении некрополя Тире.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 100.
- ²² IRE, I², 5; Латышев В. В. По поводу заметки проф. А. И. Сонни «К вопросу о культе египетских божеств на северном побережье Черного моря».— Филол. обозрение. М., 1893, 5, с. 140—142; Avakian Gr. Ştiri nouă din Tyras, II. graffiti, N 32.— Cronica numismatică și arheol. Bucureşti, 1927, 7.
- ²³ Шургая И. Г. О греко-египетском культе в Северо-Западном Причерноморье.— В кн.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 74—77.
- ²⁴ Фурманская А. И. Новые памятники скульптуры из Тире.— КСИА АН УССР, 1960, вып. 10, с. 80, рис. 3; Кобылина М. М. Об изображении мойр в Северном Причерноморье.— СА, 1971, № 3, с. 250—257.
- ²⁵ Блаватская Т. В. Западнопонтийские города..., с. 228; Кобылина М. М. Об изображении мойр..., с. 251—253.
- ²⁶ IRE, I², № 40; Фурманская А. И. Античный город Тира..., с. 47—48.
- ²⁷ Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б. Раскопки Тире в 1963 и 1965—1976 гг.— В кн.: Античная Тира..., с. 34, рис. 14.
- ²⁸ Амброс А. К. Фибулы юга Европейской части СССР.— САИ, 1966, вып. Д1-30, с. 93.
- ²⁹ Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.) — 1970, вып. Д1-27, с. 121, № 1163.
- ³⁰ Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б. Раскопки Тире..., с. 33—34, рис. 13.
- ³¹ Карышковский П. О., Коцевский А. С. Античные монеты..., с. 93—97, № 22—116.
- ³² Клейман И. Б. Раскопки помещения вексилляции I Италийского легиона в Тире.— МАСП, 1971, № 7, с. 233, 237, рис. 8.
- ³³ Карышковский П. О. Античные монеты..., с. 92, 96, № 95; Крыжицкий С. Д., Клейман И. Б. Раскопки Тире..., с. 34, рис. 12.
- ³⁴ Nicorescu P. Garnizoana romană în sudul Basarabiei.— Mem. sectiunii Istorice/ Acad. Romana. Ser. 3, 1937, 19, p. 217—222; Nicorescu P. O inscriptie imparatului Traian găsită la Cetatea Alba.— Ibid., 1944, 26, p. 501—510; Клейман И. Б. К вопросу о пребывании в Тире Первой киликийской когорты.— КСОАМ за 1963 г., Одесса, 1965, с. 179—182.
- ³⁵ Соколов Г. И. Античное Причерноморье.— Л., 1973, с. 158, № 173.
- ³⁶ Златковская Т. Д. Мезия в I—II вв. ..., с. 115, 120.

- ³⁷ СII, III, 14416; *Карышковский П. О.* Из истории Тире в первой трети III в. н. э.— В кн.: Исследования по античной археологии . . . , с. 74.
- ³⁸ *Султов Б.* Один ремесленный центр в Нижней Мезии.— In: Actes Premier congr. Intern. etudes Balkaniques et sudest Europeennes, Sofia, 1969, 2, p. 479.
- ³⁹ *Фурманська А. І.* Археологічні пам'ятки Тіри перших століть нашої ери.— *Археологія*, 1957, 10, с. 88, табл. 1, 7—9, 13.
- ⁴⁰ *Culică V.* Stampile pe mortaria găsite în sud-vestul Dobrugei.— SCIV, 1971, 2, p. 331—336.
- ⁴¹ *Culica V.* Un nou mortarium cu stampila, descoperit în Dobrogea.— Ibid., 1965, 16, № 2, p. 373—377.
- ⁴² *Бураков А. В.* Городище біля с. Козирка поблизу Ольвії.— АП УРСР, 1962, 11, с. 65, рис. 16, табл. III, 10.
- ⁴³ *Лейпунська Н. О.* Лутерії з Ольвії.— *Археологія*, 1980, 33, с. 32.
- ⁴⁴ *Фармаковский Б. В.* Раскопки Ольвии в 1909—1910 гг.— ОАК за 1909—1910 гг. Спб., 1913, с. 41, рис. 44—46.
- ⁴⁵ *Штаерман Е. М.* Керамические клейма из Тире.— КСИИМК, 1951, вып. 36, с. 48—49; *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии..., с. 41, рис. 44.
- ⁴⁶ *Штаерман Е. М.* Указ. соч., с. 49.
- ⁴⁷ *Фурманская А. И.* Тира: Стронт. керам. материалы.— САИ, 1966, вып. Г1—20, с. 35—36.
- ⁴⁸ *Фурманська А. І.* Археологічні пам'ятки Тіри..., с. 88; *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия..., с. 124, № 1202.
- ⁴⁹ Из коллекции Радулеску.— см.: *Fasti archeol.*, Firenze, 1968, 18/20, № 5786, pl. XXVI, 87.
- ⁵⁰ *Томас Э., Бониш Е., Шапрони Ш.* Древности Римской Паннонии: Каталог выставки из музеев Венгерской Народной Республики.— М., 1972, с. 21 (бронзовое ажурное украшение).
- ⁵¹ *Мънзова Л.* Ключалки на касетки от римскита епохи в Археологическия музей.— *Археологія*, София, 1963, 1, с. 24, рис. 11.
- ⁵² *Табакова-Цанова Г., Гетов Л.* Могилини погребения от с. Тулово Старозагорски окръг.— Там же, 1969, 4, с. 33—34, обр. 14, 16.
- ⁵³ *West R.* Romische Portret-plastik. München, Bruckmann, 1941, Bd. 2, S. 78—79, Taf. XX, 74, 75.
- ⁵⁴ *Gabler D.* Sigillaten im Ostpannonien benachbarten Barbarikum.— *Archaeol. értesitő*, 1968, 2, S. 241—242, 221, fig. 6—7.
- Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия..., с. 81, рис. 38, 3, 6, 7.
- ⁵⁶ *Кравченко Н. М., Корпусова В. М.* Деякі риси матеріальної культури пізньоримської Тіри.— *Археологія*, 1975, 18, с. 37, рис. 11, 10.
- ⁵⁷ Ср. сосуды из Бутово — см.: *Sultov B.* Antike zentren..., с. 43—44,— и из Тире; *Фурманська А. І.* Археологічні пам'ятки Тіри..., с. 88, табл. 1, 13.
- ⁵⁸ *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия..., № 1100; ОАМ, № 83330.

В. А. Галибин, А. С. Островерхов, Л. В. Субботин

СТЕКЛЯННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СЕМЕНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Среди различного инвентаря, находимого в сарматских комплексах Северного Причерноморья, важное место занимают изделия из стекла. Определение технологии и центров их производства является одной из насущных задач археологической науки. Решение их помогает пролить свет на ряд традиционных вопросов и поставить на повестку дня новые. Например, соотношение средиземноморского и северопричерноморского античного импорта в